

Лэ Юй поднял руки:

— Князь Цзинчэн всё ещё здесь, чтобы помочь мне одеться?

Слуги оставались за дверью, а Не Фэйлуань, услышав это, с улыбкой подошла и, наклонившись, завязала его пояс. Сяо Шанли сказал:

— Господин шутит.

Он приказал оставить подарочную коробку и, повернувшись, как бы невзначай добавил:

— Я слышал, что я потерял сознание в павильоне Дайсюэ в саду Гэнъе. В ту ночь я не знаю, как оказался там, и мне хотелось бы снова посмотреть это место.

Не Фэйлуань поспешно сказала:

— Фанцзяо, проводи князя.

Старшая служанка осторожно провела высокого гостя к павильону Дайсюэ. Вокруг были сливы и ивы, но здесь росли бамбуки Сянфэй, создавая весеннюю атмосферу вокруг маленького павильона. Сяо Шанли коснулся каменного фонаря, но он был неподвижен, словно врос в землю. Он спросил:

— Здесь недавно проводились работы?

Фанцзяо, растерянно, ответила:

— Зачем что-то менять?

Вспомнив о статусе этого красивого молодого человека, она опустилась на колени, испуганно сказав:

— Простите, князь! Простите!

Сяо Шанли, не замечая, как сжимает ладонь до крови, подумал: «Никаких доказательств. Я думал, что это я первым его отверг, но в итоге это он первым бросил меня».

Он стоял некоторое время, пока слуга не подошёл, чтобы накинуть на него плащ. Сяо Шанли не шевелился, затем, постояв ещё немного, сказал:

— Пойдём. Раз я выздоровел, пора навестить мою невестку и мать, которые так долго за меня волновались.

После ухода князя Цзинчэна Не Фэйлуань подошла, чтобы закрыть окно, но Лэ Юй налил себе вина и, подняв бокал, сказал:

— Ты смотрел достаточно долго, старший мастер Тань, почему бы не присоединиться ко мне за бокалом вина.

Голос из-за окна спокойно ответил:

— Нет, мы с тобой не можем быть собутыльниками.

Тань Ядао сел напротив Лэ Юя, но не прикоснулся к вину.

Лэ Юй сказал:

— Две ночи назад в саду Гэнъе, где собрались младшие гроссмейстеры, кто-то беззвучно убил двух телохранителей князя Цзинчэна. Думаю, это был ты, старший мастер Тань.

Тань Ядао ответил:

— Он всё же был моим товарищем, и я мог выполнить его последнее желание.

Затем он добавил с безразличием:

— Я видел, как ты смотрел на этого похожего на девочку мальчика из семьи Сяо, и решил, что могу сделать тебе подарок, позволив насладиться им. Мы, младшие гроссмейстеры, не обращаем внимания на принцев и князей. Без охраны они слабы и не могут сопротивляться.

Лэ Юй слегка разозлился:

— Старший мастер Тань, ты слишком самонадеян.

Тань Ядао хотел возразить, но от Лэ Юя исходила такая мощная аура, что он, недавно проигравший ему в поединке, почувствовал её острее и стал осторожнее. Вспомнив только что увиденное, он решил, что Лэ Юй провёл ночь с этим мальчиком из семьи Сяо, а тот, проснувшись, возненавидел себя за то, что подчинился, и отверг его. Спокойно он сказал:

— Ладно, на этот раз я должен тебе пол-одолжения.

Лэ Юй усмехнулся, выпил вино:

— Тогда старший мастер Тань уже решил, как отплатить?

Тань Ядао нахмурился:

— Ты хочешь, чтобы я отплатил сейчас?

Аура Лэ Юя была настолько сильной, что напоминала давление гроссмейстера. Тань Ядао подумал: «Неужели время пришло?» Его напряжённое выражение лица постепенно

смягчилось:

— Хорошо. Я могу рассказать тебе одну вещь.

Тем временем, в этот день, как обычно, супруга наследного принца Чжаохуай отправилась во дворец, чтобы сопровождать наложницу Жун в молитве. Когда Сяо Шанли прибыл во Дворец Бессмертного Долголетия, он встретил Гу Хуань, которая медленно выходила. Служанки и евнухи, сопровождавшие князя Цзинчэна и супругу наследного принца, поклонились им на белом каменном коридоре. Сяо Шанли остановил Гу Хуань:

— Невестка, ты сегодня не взяла с собой Юньянь?

Гу Хуань остановилась, опираясь на руку госпожи летописца Цзи, и с мягкой улыбкой ответила:

— Моё здоровье не позволяет мне заниматься воспитанием, и эта девушка совершила проступок, за что была изгнана. Я не знала, что ты её запомнил. Если ты хочешь, чтобы она служила тебе, я немедленно прикажу вернуть её и отправить к тебе.

На самом деле она уже была казнена, и даже из преисподней её не вернуть. Сяо Шанли сказал:

— Прости, что заставил тебя чувствовать себя виноватой. Она заслужила тысячу смертей.

Вскоре евнух провёл Сяо Шанли во внутренние покои, где его встретила госпожа летописца Цзи Тан, сопровождавшая его в молитвенный зал. Наложница Жун, всей душой преданная Будде, выделила во Дворце Бессмертного Долголетия отдельный зал, окружённый множеством божеств, где даже днём горели свечи и курился благовония. Она стояла на коленях посреди зала, в простой одежде и сандалиях, держа в руках чётки, словно богиня. Служанки по обе стороны помогли ей подняться, и наложница Жун с недовольством сказала:

— Дитя, как ты сюда попал? Цзи Тан, как ты могла привести сюда Ли?

Служанки покорно вышли, и Сяо Шанли опустился на колени:

— Мать, ты говорила, что только перед Буддой можно говорить правду. Сегодня я пришёл, чтобы сказать тебе кое-что.

Наложница Жун уже догадывалась, и он, закрыв глаза, сказал:

— Я хочу трон. Через десять дней принцесса Яньцинъ будет выбирать мужа на террасе Феникса, и мы с ней уже заключили союз. Я знаю, что ты не хочешь, чтобы я боролся за него. Мать, у меня есть тот, кого я люблю, но ради трона я могу отказаться даже от него. Он любит меня и обязательно дожждётся, но трон не будет ждать. Я отказался от столь многого, и трон будет моим.

В зале долго царил тишина. Наложница Жун, казалось, испытывала смесь печали и тоски, оглядывая статуи Будды, но затем медленно подошла к Сяо Шанли и погладила его по голове.

Он ожидал, что она испугается, но на этом этапе она больше не боялась, лишь прошептала:

— Значит, этот день настал — когда ты родился, кто-то предсказал, что твоя жизнь будет сном длиной в семнадцать лет. Теперь этот сон закончился, и я не могу остановить тебя на твоём пути... Иди, иди.

Она, будучи смиренной столько лет, вдруг проявила давно забытую гордость принцессы династии Чжоу:

— Мир всегда находится между «получением» и «потерей». Если мой отец мог потерять империю, почему мой сын не может вернуть её? Но...

Она вздохнула:

— Ли, ты слышал о человеке, которого называют «Владыка Небесных Тайн»?

В это время в тихой комнате живописной лодки Шуцзин Лэ Юй и Тань Ядао сидели друг напротив друга за столом с вином, а Цици лежала на коленях Лэ Юя. Когда он протирал меч вином, Тань Ядао также сказал:

— Ты должен знать о «Владыке Небесных Тайн» с пика Облачная Вершина в горах Куньлунь.

Лэ Юй сказал:

— Горы Куньлунь — это не просто место, где гроссмейстеры подтверждают свои способности. Говорят, что на вершине есть город, который местные жители называют «Заоблачный город». Когда нет тумана, иногда можно увидеть величественный дворец, с которого падают небесные цветы. Этот город открывается только для того, чтобы принять нового правителя. С времён первого императора Чжоу, за четыреста с лишним лет, он открывался только дважды, приняв двух правителей. Правители Заоблачного города всегда были величайшими мастерами боевых искусств своего времени, или, как и твой учитель, первыми среди гроссмейстеров. Однако не все первые среди гроссмейстеров могут стать правителями Заоблачного города.

Говоря о Шу Сяоине, Тань Ядао слегка изменился в лице, и Лэ Юй продолжил:

— Правитель Заоблачного города называется «Владыка среди облаков», а также есть жрец, которого ты называешь «Владыка Небесных Тайн».

Тань Ядао сказал:

— Ты ошибся в одном: только правитель, пришедший извне, может называться «Владыкой среди облаков». «Владыка среди облаков» — это не просто первый среди гроссмейстеров.

Он произнёс каждое слово отчётливо:

— «Владыка среди облаков» — это великий гроссмейстер.

Лэ Юй нахмурился, а Тань Ядао, с серьёзным выражением лица, сказал:

— Обычные люди не понимают нас. Сегодня люди смешивают гроссмейстеров и великих гроссмейстеров, считая, что великий гроссмейстер — это просто почётное звание для гроссмейстера, что смешно и невежественно.

Он продолжил:

— Среди учёных есть те, кто слаб физически, но обладает выдающимся умом и в итоге достигает вершины. Но среди бойцов, если у человека только крепкое тело, но слабая воля или недостаток ума, он может считать себя счастливым, если остановится на уровне младшего гроссмейстера. Боец должен пройти через тысячи испытаний как физически, так и духовно, чтобы достичь уровня гроссмейстера, а затем, благодаря удаче, преодолеть великое испытание и стать великим гроссмейстером, святым боевых искусств.

Великий гроссмейстер в древности назывался «святым». Лэ Юй сказал:

— Я не хочу портить тебе настроение, но святых не было уже сотни лет, и неудивительно, что их забыли. Если верить записям, то до того, как первый император Чжоу объединил империю, в мире царил хаос, и число гроссмейстеров было таким же, как число младших гроссмейстеров сегодня, и они, как звезды, сменяли друг друга, но после установления мира боевые искусства начали угасать. Сегодня, хотя мне не хочется это признавать, предположения хозяина Павильона Весеннего Дождя не слишком ошибочны: у гроссмейстеров разных стран появились признаки Пяти Признаков Увядания Небожителя, и мир боевых искусств постепенно приходит к концу.

<http://bllate.org/book/15272/1348089>